

Павел Брычков

В вагоне

Опоздавшая на полчаса вечерняя электричка медленнее обычного подошла к остановке с красивым названием “Золотая роща”, и дачники, столпившиеся на перроне, кинулись к дверям, торопясь занять свободные места. Отягощенные сумками, рюкзаками и груженными тележками, они застревали в дверях, то шутливо, то зло огрызались, когда толкали друг друга, но в конце концов все оказались в вагоне. Устраиваясь, расставляли под сиденья сумки, задвигали по углам тележки с мешками, скидывали капюшоны штормовок и, греясь, потирали красные руки. За окном дул пронизывающий северо-западный ветер – глубник. Грязно-серые рваные тучи сыпали мелким ледяным бисером, и здесь, в вагоне, казалось тепло и уютно, несмотря на сырость и грязь, занесенные внутрь.

Электропоезд продолжал стоять, и догадливые стали хвалить машиниста за то, что он подкатил к платформе, а не остался стоять, скажем, в километре от нее, так как впереди на светофоре горел красный. Все дачники “Золотой рощи” знали и любили объяснять друг другу и новым людям, что электричка прибывает после того, как на светофоре замигает желтый свет.

Она появилась в вагоне с пачкой газет, когда электричка набрала скорость, и заставила открыть глаза тех, кто начал уже подремывать.

– Товарищи, покупайте патриотическую печать! Если хотите знать правду о сегодняшнем режиме, читайте наши газеты!

– Что за газеты? – осведомился один из пассажиров.

– “Молния” и “Вечерний Ленинград”.

– А-а, – кивнул спросивший, но купить не стал.

Ее круглое лицо с чуть тронутыми тушью ресницами можно было бы назвать красивым красотой сорокалетней женщины, если бы не плотно сжатые губы, делавшие его излишне серьезным и даже суровым.

Она прошла почти весь вагон, и лишь перед самым выходом женщина, сидевшая в углу, протянула ей пятисотку и купила газету.

– Что-то твой товар, кума, плохо идет, – весело посочувствовал краснолицый здоровяк с седеющими кудрями – утром почти столько же было... Сейчас бы водочки для сугрева – была бы с прибылью!

– Вам бы только водку! Всю страну пропили с главным забулдыгой! – громко, чтоб слышали другие, сказала она. – Эх, родила тебя мать и не облизала!

– Че это мы ее пропили? — обиделся здоровяк.

– А какой товар сегодня в изобилии и самый дешевый? Водка! Хоть залейся... Гитлер-то на том свете радуется: сбылась мечта – славянам водку и табак. Вас спаивают, вы рады!

– На Руси веселие есть пити, – с ухмылочкой сказал молодой парень с черной бородкой. На лице его светилась тень превосходства и некой истины, известной только ему. Она мельком глянула на него и сразу поняла, что этот будет главным здесь оппонентом. Она для него была убогонькой и недоразвитой какой-то.

– Пить, но не упиваться! Сколько сейчас гибнет от пьянства!.. И это не зря – пьяного легче обмануть, пьяный никогда не выйдет на баррикады...

– О, так вы нас на баррикады зовете! – съязвил парень с бородкой.

– А вы что думаете, что вам добровольно кто-то отдаст награбленное? Пока мы за мирные методы. Я член городского забастовочного комитета. Мы призывали идти на всеобщую стачку, а вы молчите! – обратилась она поверх головы парня к сидящим в вагоне, увидев, что к ней прислушиваются и кое-кто даже кивает головой. – Не надо молчать! Я лично никогда в партии не состояла, но после девяносто третьего года вступила в рабочую компартию и решила бороться до конца, хотя меня уже три раза арестовывали за агитацию и сажали в тюрьму...

– А, бесполезно все это, – махнул рукой здоровяк, – армия должна слово сказать.
– Армия и МВД закуплены! Ельцин медальку на одно место повесил, они и рады. У меня сосед в милиции работает, омоновец, каждое лето-то на Кипре отдыхает, то на Гавайях... А кто на заводе работает – получает по сто пятьдесят-двести тысяч в месяц, куда он поедет?

– За что же вы нас призываете бороться? – ехидно спросил парень с бородкой.

– За достойную жизнь! Все вы помните бесплатное образование, бесплатную медицину – все это было при советской власти, а сейчас все это отнимают, нас ввергли в нищету, вот дача еще выручает, иначе б голодали уже... Но, попомните мое слово, и ее отберут со временем, задушат налогами... Мой сын хотел поступить в институт, а ему говорят: плати два миллиона. Где у меня два миллиона, если оклад сто пятьдесят тысяч, едва концы с концами свожу...

– Па-азвольте, – обрадованно протянул парень, и на лице его опять заиграла улыбка превосходства и всезнания, – а почему ваш сын не поступает, как все, бесплатно?..

– Потому что там нет такой специальности! Почему мой сын не может, например, стать юристом? Только потому, что у него нет денег?

– Но, судя по вашему виду, вы не бедствуете, не голодаете, на вас хороший плащ, а не фуфайка.

– Я все-таки работаю и свожу концы с концами! А если бы я была в фуфайке и калошах, вы бы сказали: вы не голая, на вас фуфайка... Где же, по-вашему, та грань нищеты, до которой надо опуститься?

– Милая, – вмешался сидевший молча у окна мужчина, – да не старайтесь вы: пока у нас из-под носа последнюю чашку не потянут, никто не подымется! Ну победите вы, опять придут коммунисты, так ведь были они!

– Это были не коммунисты, а перевертыши и предатели, начиная от президента кончая нашим губернатором, и Зюганов тоже!.. Поглядите, где вся партийная номенклатура – в коммерческих структурах! Только о себе думают, не о народе!

– И раньше о народе никто не думал! – вступил в разговор старик, опиравшийся на трость. Но тут же смолк. Губы у него затряслись от волнения, и отвисшая на подбородке кожа заколыхалась, как у ящерицы.

Привыкшая, что старики ее обычно поддерживают, она в недоумении подумала: “Репрессированный или бывший охранник НКВД из “Мемориала”, – и проигнорировала его реплику.

– У власти должны встать честные люди, а не перевертыши!

– Ну и кто, по-вашему, не перевертыш? – спросил парень с бородкой.

– Анпилов, например... Он был коммунистом и сейчас отстаивает коммунистические позиции. Он из рабочей семьи, знает пять языков, журналист...

– А скажите, как он в Аргентину умудрился попасть, – ядовито спросил парень с бородкой, – ведь раньше простых смертных за границу не посылали?

– Закончил университет и попал как достойный! – сдерживая раздражение, ответила она. – Тогда это можно было, а сейчас едут, кто больше даст взятки да Ельцина оближет!..

Она с жаром заговорила о воровской приватизации, об унижении русских в бывших союзных республиках, о том, что все зло в частной собственности...

Неожиданно из середины вагона к ней подошел парень в кожаной куртке, из тех, кого называют “крутыми”, и процедил:

– Ты че тут развыступалась? А ну, вали отсюда!

Он толкнул ее в плечо.

– Не трогай меня! Мозгов нет, так силу показываешь!

– Вали говорю! – пнул он ее ногой в левый бок.

Она ойкнула и, прижимая газеты к груди, присела на корточки.

Парень с бородкой опустил глаза, здоровяк побагровел, но никто не двинулся с места. И только женщина, купившая газету, закричала:

– Ты че, паразит, распинался! Не тронь ее!

Как ни странно, окрик подействовал, и “крутой”, как пес, у которого отобрали добычу, что-то прорычал-пробормотал и вернулся на свое место.

Женщина с трудом поднялась, раздвинула двери и вышла в тамбур. Постояла, едва сдерживая слезы от боли и обиды. Потом перешла в другой вагон и громко воскликнула:

– Товарищи, покупайте патриотическую печать!..

1996